

Поначалу Маргарет не слишком прислушивалась к рассказу Мейбл о том, как они познакомились с «очень милой леди», которая, как выяснилось, недавно переехала в это место. Однако, поразмыслив над этим вопросом, она пришла к выводу, что такое знакомство было бы прекрасным способом почаще выпроваживать некоторых молодых людей из дома. Поэтому на следующее утро она проявила чуть больший интерес к Ванессе и узнала, что ей, по словам Мейбл, «возможно» около двадцати семи лет.

— Думаю, нам всем приятно будет познакомиться с ней, — заметила Маргарет, к тайному удовлетворению Мейбл, которая тут же, с согласия тети, написала Ванессе милую записочку, приглашая ее на чай.

Ванесса не преминула ответить благодарным согласием, хотя сейчас у нее были дела совсем иного рода. Вытянув из своего теперь уже покорного брата почти все, что произошло в его разговоре с викарием, она уже знала о предстоящем визите в дом священника неизвестной молодой девушки по имени Салли, и с должной самоуверенностью и присутствием духа появилась в его обители незадолго до того, как должна была прибыть новая просительница. Чрезвычайно обрадованный ее появлением после той неожиданной отповеди, которую он получил, встретив Ванессу на дороге, викарий все же решил проявить такую осторожность, какую счел необходимым, и позволил разговору идти больше от нее, чем говорить самому. Именно поэтому он с самого начала беседы с тревогой начал понимать, что его прекрасная гостья знает гораздо больше, чем он когда-либо надеялся и предполагал, и, похоже, жизнь ее совершенно преобразилась.

— Сколько лет той девушке, которая сегодня вечером должна прийти к вам, чтобы подготовиться... ээээ... как я понимаю, к конфирмации? — спросила Ванесса после того, как они обменялись вежливыми приветствиями.

— Восемнадцать, моя дорогая, — ответил священник, который, глядя на ее спокойное поведение, не видел смысла ходить вокруг да около. Пока он говорил, Ванесса поставила свой бокал с приветственным шерри и отмахнулась от его попытки наполнить его снова.

— Возможно, мы сможем прийти к взаимопониманию, — продолжила она к его изумлению, хотя он умело скрыл это и осторожно спросил:

— Каким же образом?

— Таким, чтобы это пошло на пользу нам обоим. Ну скажите, разве я не великолепно сыграла с вами свою роль? — ловко солгала Ванесса, а затем продолжила: — Вам еще предстоит убедиться, что я могу играть многие роли. Вы питаете слабость к молодым и юным девам. Это обычное явление среди мужчин и в меньшей степени среди женщин, но есть еще и иные женщины, такие как я, у которых есть то, что можно назвать...

— Ммммм... двойственными вкусами? — вежливо вставил священник и удостоился кивком, в котором было больше благодарности, чем он мог себе представить.

— Вот именно! Ваша экономка, с которой я только что познакомилась, несомненно, великолепная женщина, но, возможно, не обладает той утонченностью, которую я могла бы проявить в определенных случаях. Поэтому разрешая вам пользоваться теми прелестями, которые принадлежат моей собственной персоне, я требую от вас ответных милостей. То есть, — Ванесса с самым серьезным видом облокотилась на его стол, — я имею ввиду случаи, когда

я буду помогать вам. Например, как с Салли.

— А... Ну да, — последовал ответ святого отца. — Милое дитя должно появиться здесь с минуты на минуту.

— Непременно! В данном случае я останусь. Может быть, вы приготовите ее здесь, разложив на кушетке?

— Если вы сочтете это удобным.

Перси впервые широко улыбнулся, встал, обошел вокруг стола и притянул Ванессу к себе, обеими руками поглаживая ее ягодицы. Но она позволила это лишь на полминуты, а после оттолкнула их.

— Не сейчас... Возможно, я разрешу вам позже. Она, несомненно, окажется девственницей, и в этом случае...

— Моя дорогая мисс Маркхэм, позвольте мне прервать вас. Салли родом из бедной семьи, чье жилье почти не позволяет уединиться. В таких небольших домиках братья и сестры обязательно вынуждены спать в одних и тех же маленьких комнатах. Скорее всего, у нее уже была возможность немного поиграть с мужским членом — осмелюсь назвать это так — или быть насаженной на него. Прелести таких юных девушек, покрытые легким пушком, часто позволяют взнуздывать их в темноте. На самом деле, я слышал о девушках, чьи отцы...

— О, Боже, викарий, ну в самом деле! — воскликнула Ванесса, отворачиваясь от него. Легкий румянец залил ее шею.

— Неужели я вас обидел? Ввиду наших общих желаний, как я мог обидеть вас? Ну давайте же говорить откровенно, мисс Маркхэм, — родительский член часто первым извергается в их киски или их задние дырочки.

— Но как это может нравиться девушкам? — послышался негромкий вопрос Ванессы, потому что она внутренне содрогнулась, осознав, что он ответил. Его руки легли на ее бедра, успокоив их, но она продолжала стоять к нему спиной.

— Поначалу бывают капризы, моя дорогая, иногда бывают. Это во многом зависит от характера девушки и от того, была ли она поначалу... ммм... обработана и привлечена к этой идее. Я знаю здесь одного знатного и состоятельного господина, который приказал вывести кобылу и жеребца из своей конюшни в поле, которое было хорошо видно из окна спальни в задней части дома.

— Вот как? С какой целью? И ради чего? — задыхаясь, спросила Ванесса, потому что она почувствовала, что член викария напрягся и сквозь одежду горячо прижимается к ее пышным задним полусферам.

— С восхитительной целью и ради соответствующего эффекта, моя дорогая. Поначалу он велел старшей из своих дочерей наблюдать за происходящим. И пока огромный половой орган жеребца поднимался, и пока кобыла терпеливо его ожидала, девушка отвернулась, сказав, что у нее есть другие дела.

— Под этим она подразумевала, что не может заставить себя смотреть, но и не в силах заставить себя сказать об этом...

— Совершенно верно, мисс Маркхэм. Но даже в этом случае она осталась джентри, и не двинулась с места, с большим смущением, удивлением и румянцем наблюдая, как гигантский инструмент Приапа втиснулся в ожидавшую его кобылу, которая, будучи охваченная возбуждением, не тронулась с места. Очарование этой сцены начало овладевать милой девушкой, да так сильно, что она, по-видимому, не заметила, как папина рука начала ласкать

ее задок.

— От чего она также не смогла отказаться, будучи слишком смущенной или застенчивой...

— Ваша чувствительность поразительна, моя дорогая. Дюйм за дюймом ее платье подтягивалось сзади, пока бедра и обтянутый панталонами низ не оказались открытыми для развратного блуждания пальцев, которые не могли не возбудить ее. Охваченная чувством любовного обморока, она уронила голову ему на плечо, в то время как оба они продолжали наблюдать за похотливой схваткой на поле. Затем она медленно была освобождена от панталон, которые начали опускаться к ее лодыжкам.

— Полагаю, у нее пересохло во рту, и ее глаза расширились от удивления, — хрипло сказала Ванесса и будто стесняясь, опустила голову.

— У вас прекрасное воображение. В продолжение этой безмолвной игры, девочку медленно и покорно заставили наклониться вперед и тем самым поставить локти на подоконник. Единственный шлепок по ее отставленной назад попке означал властный приказ оставаться в таком положении неподвижной.

— А потом... потом... — Ванесса почти задышалась.

— Потом, конечно, ее родитель подошел к ней сзади и достал свой собственный мужской орган, сказав ей в то же время, чтобы она продолжала смотреть на то, что происходит на поле и что то, что она наблюдает, является — как он необычно выразился — особым зовом природы, в котором нуждается все живое. Сказав это, и раздвинув ее ноги настолько, насколько позволяли упавшие панталоны, он медленно ввел свой член в ее норку и начал медленно ее вспахивать.

— Интересно, плакала ли она? — произнесла Ванесса на этот раз задумчивым тоном.

— Наблюдая и испытывая такое? Напротив, моя дорогая, она стала медленно и страстно реагировать, он заставлял ее попку биться о его живот с каждым толчком его гордого стержня, пока оба не ослепли от удовольствия и ждали только сладострастного исхода их взаимных излиятий. — Фу, как же развратно и грубо! — не спеша, но с некоторым усилием, Ванесса оторвала свой задок от пульсации, которую ощущала сквозь ткань его брюк, подошла к окну и задумчиво посмотрела на расстилающуюся сельскую местность сквозь свинцовые стекла. — Откуда вы это знаете? Разве джентльмены рассказывают о своих самых сокровенных завоеваниях?

— Уверен, что нет. Это чертовски не по-джентльменски, простите меня за такое выражение. Нет, мисс Маркхэм, все это я узнал от самой молодой леди. После того как ее отец дважды наполнил своей спермой, она вступила в период непокорности, как это обычно происходит с некоторыми юными девушками. Поэтому, мне просто сказали, что она нуждается в руководстве, и я принял ее здесь, крепко обработав ремнем несколько раз. И рад сообщить, что...

— О, вам незачем продолжать, я понимаю такие вещи. Я тоже слыхала о них. Просто полезно узнать, насколько широки ваши познания, — просто ответила Ванесса, хотя на самом деле многое для нее было в новинку. Все эти новые мысли роились в ее переполненной голове и посылали ей такие сигналы, в которых она давно нуждалась.

Но тут из холла донеслись звуки, и, узнав о появлении Салли, Ванесса сняла широкополую шляпу и перчатки. Отложив их в сторону, она степенно села и взяла первую попавшуюся книгу.

Если бы викарию не пришлось приготовиться к тому, что дверь откроется, он, возможно,

поспешно вырвал бы ее из ее рук, ибо хотя книга и была переплетена в кожу и имела ребра на корешке, Ванесса сразу же поняла, что это не печатный том, а дневник священника. Таким образом, к своему собственному удовольствию, она смогла в последующие минуты быстро пролистать несколько страниц. Навершие невероятно твердого мужского орудия проникло между ее набухшими губками и медленно поползло внутрь, вдоль тугих бархатных стенок ее пещерки.

— Да, Салли, ибо викарий всего лишь изучает скипетром твой источник желаний. Пусть же он войдет прямо в него!

— Оооооооооо! — поперхнулась Салли, потому что пульсирующий посох оказался еще больше, чем тот, который она уже несколько раз получала, лежа дома с раздвинутыми ногами на соломенном тюфяке. Его угрожающие размеры вторгались в нее с такой тщательностью, с какой Персиваль всегда посвящал свои молитвы молодым девушкам. Чутьочку нервного подергивания бедер девушки оказалось достаточно, чтобы целиком и надежно пристроить его в юной и сладкой норке, а его крупные яйца не коснулись кудрей ее дельты Венеры.

При этом вздохе Салли впиалась ногтями в шею Ванессы, но та и не думала возражать. Вид вставшего на дыбы мужского члена, как и слегка напряженное выражение лица мужчины — кем бы он ни был — когда он занимается удовлетворением своей похоти, привел ее в восторг.

— Аааааааа! Я не могу! — всхлипнула девушка, хотя это и не было правдой.

Одна рука Ванессы не давала голове девушки подняться из ниши между плечом и шеей. Осторожно потянувшись другой рукой вниз по спине Салли и, наконец, коснувшись работающего блестящего стержня викария, Ванесса осторожно поднесла кончик пальца к другой розовой дырочке Салли, и начала медленно растирать вокруг ее сморщенного края. До тех пор, пока Ванесса не стала свидетельницей того, что происходило между Маргарет и ее племянниками, Ванесса не думала, и даже не мечтала, о возможности того, что мужской орган может входить в такое, еще более интимное, отверстие. Конечно, оно слишком тесное, думала она, и каким же образом это делают многие неопытные молодые женщины? И все таки она была свидетельницей этого сладкого злодеяния, и было ясно, что тетя Мейбл получала от него огромное удовольствие. Потом Ванесса осторожно вставила в дырочку кончик пальца, отчего Салли застонала и задергалась еще сильнее.

Викарий тем временем медленно двигал своим инструментом взад и вперед по восхитительно увлажненному каналу, который ему беспомощно предоставила Салли. Если бы эта девушка была сейчас одна, он бы сначала привязал ее ремнями или наказал бы тростью, но возможность заниматься двумя женщинами одновременно выпадала ему редко, и сейчас он впивался взглядом в Ванессу, в то время как она, несмотря на внутреннее возбуждение, смотрела на него все более и более холодно.

Сейчас, когда в киске Салли появился могучий поршень, ей было достаточно, чтобы ее палец легко проник глубже в попку девушки, издававшей лишь кажущиеся приятными всхлипывания. Глубокая дырочка Салли сжалась вокруг ее пальца, как рот младенца, и, казалось, притягивала и поощряла его, что очаровывало Ванессу, потому что она узнавала обо всем этом все больше и больше.

— Оттяни ее назад, но держи крепче. Я хочу встать со стула, — внезапно объявила Ванесса, чем вызвала сдавленный вопль Салли, которая попыталась еще крепче обхватить ее за шею.

— Нет, Салли, ты должна научиться, моя милая, — мягко увещевала ее Ванесса и отняла от себя руки девушки, в то время как викарий глубоко погрузился в нее и потянул назад, так что

она поначалу забарахталась на руках, а затем — когда Ванесса расслабилась — обнаружила, что ее предплечья прижаты к сиденью.

— Оттрахай ее! Оттрахай ее медленно и тщательно, священник! — приказала Ванесса, стоя с широко расставленными ногами, уперев руки в бока и сверкая глазами. Она не сомневалась в том, что сейчас она командует кораблем, так как пара находилась в середине сладкого полета Венеры и не могла заставить себя остановиться.

Викарий фыркнул от восторга, и затем заставил попку молодой девушки еще сильнее врезаться в него, тогда как его ствол быстро двигался назад и вперед, вырывая изо рта Салли булькающие звуки.

Ванессу приводил в восторг тот факт, что она могла наблюдать за жаркой схваткой и возбуждаться, даже не играя с собой. Вид появляющегося и погружающегося пульсирующего мужского орудия завораживало ее так же, как и вид сладкой киски Салли, трепещущей вокруг него.

— Теперь быстрее, еще быстрее, — распорядилась Ванесса.

— Конечно, моя дорогая. Девочка очень нуждается в этом. В любом случае, я наполню ей канал буквально через минуту, — проворчал викарий, одновременно удивляясь и изумляясь тому, что его учат.

— Когда будешь готов, вытащи свой член и дай мне посмотреть, как он изливается прямо в устье ее киски, — сказала Ванесса без раздумий, хотя и была очень довольна собой. Эта прихоть, по-видимому, понравилась и священнику, потому что после полудюжины страстных толчков он отвел свое дымящееся оружие к краю норки, позволив ему чуть выйти наружу, так что набухший набалдашник едва касался девичьих прелестей.

Именно в этот момент Салли вновь брызнула своим собственным удовольствием, которое настолько усладило и раздражило его гребень, что Персиваль немедленно выпустил свои пенистые струи, которые полностью залили ее распахнутую киску, его глаза в блаженстве наполовину закрылись, и после того как он проделал это, он снова скользнул внутрь девушки и изверг в нее остатки своего животворного сока.

Когда викарий наконец отвалился, Ванесса поймала пошатывающуюся девочку, притянула ее к себе и обняла.

— Какая ты хорошая девочка, — просто прошептала она, и Салли покраснела и укрыла в ней свое лицо, пока та ласкала руками и успокаивала подрагивающие половинки ее попки.